

Э. Л. Мелконян

АРМЯНСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ*

История армянского зарубежья восходит еще к IV—V вв. н. э., к периоду падения централизованного армянского государства. В течение последующих 15 веков в условиях постоянного национального, религиозного и социально-экономического гнета со стороны сменяющихся завоевателей эмиграция армян из своей родины и основание ими общин в различных странах становится характерной особенностью жизнедеятельности армянского этноса. Качественно новый этап в истории армянского зарубежья начался в 1915 г., когда в Западной Армении, входившей в состав Османской империи, турецкими правителями был осуществлен геноцид 1,5 млн. армян, а оставшиеся в живых более полумиллиона армян были насильственно изгнаны, депортированы из своей родины, что и привело к образованию армянской диаспоры.

В данном случае диаспора понимается как особый тип этнических меньшинств, возникших в результате эмиграции. В отличие от основных двух типов этнических меньшинств — «политической» (например, русская «белая» эмиграция после Октябрьской революции 1917 г. и др.) и «экономической» (например, эмиграция украинцев в Канаду в конце XIX в. и др.), специфическими характеристиками собственно диаспоры следует, на наш взгляд, считать: а) насильственное изгнание народа из своей родины; б) проживание подавляющей части этноса вне своей этнической территории-родины; в) отсутствие возможности возвращения к своим родным очагам.

Сегодня армянские общины существуют более чем в 30 различных странах Америки (Канада, США, Аргентина, Бразилия и др.), Европы (Англия, Франция, Швеция, Италия, Греция, Болгария и др.), Ближнего и среднего Востока (Ливан, Сирия, Иран и др.), Африки (Египет, Эфиопия и др.), а также в Австралии, Индии и др. Наиболее крупные из них — в США (около 800 тыс.), во Франции (около 350 тыс.), Ливане (около 200 тыс.), Иране (около 175 тыс.) и др.

Жизнедеятельность этнических меньшинств, поддержание их этнокультурной специфики во времени и пространстве осуществляется средствами, которые в силу выполняемых ими функций могут быть обозначены как этнозащитные механизмы культуры¹. В качестве таковых в основном выступают определенные, наиболее значимые элементы так называемой материнской культуры (язык, религия, традиция, этническое самосознание и др.). Наряду с этим этнические меньшинства в целях обес-

* В советской и зарубежной специальной литературе термин «диаспора» все еще не имеет статуса научного понятия, и его применение носит во многом произвольный характер. В ряде случаев им обозначаются практически все типы этнических меньшинств, в других он используется лишь применительно к истории еврейского этноса и т. д. Предлагаемое здесь определение (см. также мою статью «Армянская диаспора» в специальном томе «Армения» в «Армянской советской энциклопедии». Ереван, 1987 — на арм. яз.) за неимением места для должной аргументации не претендует на окончательность и является попыткой придать данному понятию необходимую строгость.

¹ Более подробно об этом см.: Мелконян Э. Л. Некоторые аспекты изучения этнических культур // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С. 114—124.

печения этнокультурной преемственности вырабатывают и специфические, адекватные новым условиям средства, такие, например, как землячества и др. Одним из наиболее действенных и универсальных этнозащитных средств является семья.

Особая роль семьи как социальной группы обусловлена ее двумя важнейшими функциями: первая — обеспечение биологической непрерывности и воспроизводства этнической общности, вторая — поддержание культурной преемственности данной общности путем передачи культурного наследия последующим поколениям. Семья создает специфическую среду, в которой происходит социализация ребенка, формируются его установки и ценности, во многом определяющие основные характеристики его последующей жизнедеятельности. Указанная роль семьи особенно возрастает в этнических меньшинствах, где она выступает как одно из немногих возможных средств этнической социализации, этнокультурного воспитания подрастающего поколения.

В условиях диаспоры армянская семья подверглась значительным трансформациям в соответствии с социокультурными и экономическими характеристиками тех или иных стран. Подавляющее большинство депортированных в 1915 г. армян обосновалось на территории современного Ливана и Сирии. Поскольку принимающие общества в этот период (1920—1930-е годы) были аграрными со слабо развитой промышленностью и соответственно низким уровнем урбанизации, резкого контраста по сравнению с Западной Арменией не наблюдалось. Поэтому и в новых условиях основными сферами экономической деятельности армян стали ремесла, розничная торговля, сельское хозяйство. Наблюдалось и определенное сходство на рассматриваемых территориях в формах семейной организации. В странах арабского Востока, как и в Западной Армении, доминировала патриархальная семья, социальные функции и структура которой, несмотря на этнокультурные различия, во всем регионе были идентичными: совместное проживание трех и более поколений, безусловное главенство старшего мужчины, занятие женщин только в сфере домашнего хозяйства, жесткая половозрастная субординация и др.

Отмеченные факторы способствовали сохранению традиционных форм армянской семьи и в новых условиях, а ее дальнейшая эволюция, включая и исторически обусловленные изменения, протекала в соответствии с основными закономерностями развития семейных форм принимающих обществ. Более того, внешняя социокультурная среда во многом стимулировала возрастание ее роли как этносоциального института. В связи с этим следует особо указать на значение религиозной оппозиции (христианство — мусульманство) между местным населением и армянами. В течение ряда веков армянский этнос, даже в условиях существования на своей этнической территории, постоянно находился под сильным давлением мусульманства, зачастую принимавшего форму политики насильственного обращения в эту религию.

При отсутствии собственной государственности семья, наряду с церковью и школой, стала наиболее действенным механизмом поддержания армянами своей этнокультурной определенности, наиболее оптимальным этнозащитным средством армянской культуры. Подобная функция семьи тем более выросла в диаспоре, в тех странах, где мусульманство было доминирующей и официальной религией коренного населения.

Поддержание этнокультурной преемственности в семейной среде осуществляется различными путями. Важную роль играет, в частности, трех- и более поколенная структура семьи. Постоянное общение старшего поколения с детьми обеспечивало приобщение последних к традициям и обычаям родной армянской культуры. А в условиях сохраняющейся половозрастной субординации само следование этим традициям носило обязательный характер. Важное значение имело и то обстоятельство, что в странах расселения армян, как в армянских семьях, так и в семьях местных народов роль женщины сводилась к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Ограниченное общение женщин-армянок с внешним миром способствовало их более четко выраженной этнокуль-

турной определенности, неизбежно передававшейся их детям в процессе воспитания. В последние 20—25 лет в странах Востока в русле общего процесса женской эмансипации все большее число женщин-армянок продолжают свое обучение в колледжах и университетах, вследствие чего увеличилось, естественно, и число работающих женщин. При этом, однако, большинство из них после вступления в брак оставляют работу, отдавая предпочтение роли хозяйки дома и матери. В связи с этим следует отметить также, что, несмотря на начавшиеся в послевоенный период процессы индустриализации и урбанизации, здесь в отличие от стран Запада доминирующей формой семейной организации (как в смысле ее структуры, так и распределения социальных ролей) все еще остается трехпоколенная семья, в силу чего она продолжает играть роль действенного этнозащитного механизма.

Смешанные браки являются, как известно, одним из мощных средств аккультурации, особенно ярко проявляющейся среди этнических меньшинств. Применительно к армянам, проживающим в странах арабского Востока, в силу отмеченной выше религиозной оппозиции число таких браков всегда было незначительно. Согласно данным, приводимым А. Буджиканян, смешанные браки среди армян Бейрута составляли в 1950—1969 гг. лишь 6,75%². Подобная моноэтничность армянской семьи обеспечивает ее действенность как одного из оптимальных средств этнокультурной трансмиссии во времени. Важно отметить при этом, что само понимание моноэтничности не сводится лишь к этническому происхождению брачных партнеров, оно предполагает также наличие у них актуализированных форм принадлежности к армянскому этносу. Показательна в связи с этим ситуация в армянской общине Сирии. В 1915 г. часть армянских беженцев расселилась в сельских районах на севере этой страны, где к тому времени уже существовало немногочисленное армянское население. В условиях изоляции и постоянного общения с местным, в первую очередь курдским, населением эти армяне с течением времени в своем большинстве стали курдоязычными. И именно из-за незнания армянского языка (при сохранении всех других этнокультурных признаков) браков с ними избегают армяне из Алеппо, Дамаска и других традиционных центров армянской общины. Более высокий престижный статус последних обусловлен именно их традиционно армянским воспитанием и никак не связан с их имущественным положением. В то же время низкий статус курдоязычных армян обусловлен не только незнанием армянского языка, но также непрестижной сопричастностью курдскому меньшинству, пусть даже на уровне языка. Это подтверждают и смешанные браки армян с арабами (с мужчинами, чаще с женщинами) и тем более с европейцами. В данном случае речь идет об арабах-маронитах, исповедующих католичество, с которыми вступали в браки в основном армяне-католики; в последние годы, однако, в подобные браки вступают также армяне — приверженцы армянской апостольской церкви. Тем самым в восприятии армянами диаспоры других культур, распределении последних по шкале престижности конфессиональный фактор доминирует над этническим, а в отдельных случаях и над расовым. В частности, армяне, проживающие в Эфиопии, вступают в браки с местными женщинами-христианками. Таким образом, в условиях доминирования мусульманской культуры, когда смешанные браки неизбежны, армяне отдают явное предпочтение лицам, исповедующим христианство, вне зависимости от их этнической принадлежности. Позитивное отношение к семьям с подобным конфессиональным составом основывается на убеждении, что и при различиях в христианских толках можно обеспечить этническое воспитание детей, если не как «сто процентных» армян, то уж во всяком случае как носителей традиций христианской культуры.

Принципиально иные условия для функционирования традиционной армянской семьи были в странах Запада (США, Франции и др.). В этих

² Boudjikianian A. K. Les Arméniens de l'agglomération de Beyrouth: Etude Humaine et Economique//HASSK. Revue d'armenologie. Beyrouth, 1983. P. 436.

обществах к моменту иммиграции армян наиболее характерной была нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей, переход к которой был обусловлен самим ходом их исторического развития. В то же время для этнических групп, иммигрировавших в эти страны в конце XIX — начале XX в. (например, поляки, греки, итальянцы в США), подобный переход от аграрных к индустриальному обществу носил вынужденный характер и совершился как бы в одночасье. Резкий контраст между прошлым и настоящими условиями жизнедеятельности обусловил конфликтный, противоречивый характер их адаптации к новым социально-экономическим и культурным условиям. Под мощным воздействием местной среды система традиционных ценностей, весь образ жизни подобных этнических групп подверглись интенсивным трансформациям.

В первый период после иммиграции традиционная армянская семья тем не менее сохранила свое существование. Сохранение трехпоколенной структуры семьи явилось весьма эффективным средством сплочения и взаимопомощи: сохраняя и воспроизводя такие элементы материнской культуры, как язык, определенные обычаи и др., она во многом компенсировала социально-психологическую дискомфортность в первоначальный период адаптации.

При устойчивости в основном форм и атрибутов традиционной семьи, в ней неизбежно существенно изменялось распределение социальных ролей. В отличие от патриархальной семьи в значительной мере утратили свою прежнюю роль главы старшие мужчины. Их жизненный опыт и знания, на чем и основывался их непререкаемый авторитет, уже не играли большой роли, как в прежние времена. Ограниченные возможности трудоустройства, незнание местных языков и др. — все это свело к минимуму социальную активность этой группы. В создавшихся условиях ее члены выступили в качестве носителей и защитников основных норм армянской традиционно-бытовой культуры, в частности этнического воспитания детей. Вне семьи старшие мужчины в своем большинстве явились инициаторами организации общинной жизни, включая создание земляческих и других союзов, строительство школ, церквей и т. д. Роль лидеров естественно перешла к работающим мужчинам, обеспечивающим экономическую основу жизнедеятельности семьи, что, однако, учитывая их неизбежную вовлеченность также в общинную жизнь, во многом ограничивало участие в делах семьи, в том числе и в воспитании детей. С другой стороны, постоянные и многообразные контакты с местным населением объективно способствовали более интенсивной, чем остальных членов семьи, аккультурации работающих мужчин.

Наиболее ощутимые изменения претерпело положение женщин. Одной из основных их функций продолжало оставаться воспитание детей, что, если иметь в виду его этническую направленность, приобретало особое значение в условиях диаспоры. В армянских общинах были созданы женские организации по образцу существовавших в западных странах. Их основными функциями стали благотворительность и культурно-просветительская деятельность. Исследователи отмечали; что «... в этом смысле они (армянские женщины — Э. М.) были значительно более активны, чем проживающие в тех же городах польские и греческие женщины»³. В США в период формирования армянской общины особенно выделялись в этом плане армяне-протестанты, деятельность которых во многом облегчалась в силу доминирующей и престижной роли протестантства в этой стране. Отмеченное расширение диапазона социальных ролей армянских женщин в странах Запада привело к повышению их статуса как внутри семьи, так и в самой общине, а активное сотрудничество армянских общинных женских союзов с аналогичными местными организациями способствовало скорейшей социокультурной интеграции армян в каждое конкретное общество.

³ Warner L., Srole L. The Social Systems of American Ethnic Groups. New Haven: Yale University Press, 1945. P. 111.

Примерно с конца 1950-х — начала 1960-х годов в истории развития общества стран Запада начался качественно новый этап, непосредственно связанный с резким изменением статуса женщин. Этому процессу способствовали быстрое увеличение числа работающих женщин (в США в начале 1980-х годов они составили около 43% от общего числа лиц, занятых в производстве)⁴, их экономическая независимость, активная общественно-политическая деятельность и др. В общем русле процесса эмансипации следует рассматривать также и так называемую сексуальную революцию, результатом которой был пересмотр общепринятых норм взаимоотношений между мужчинами и женщинами, снятие многих моральных, религиозных и других запретов. Не вдаваясь в подробный анализ этого явления, отметим лишь, что общепризнано его негативное воздействие на семью как социальный институт. Так, в частности, в 1980 г. доля бездетных семей в США достигла 49%, а доля семей с тремя и более детьми за одно десятилетие (1970—1980 гг.) снизилась на 43,9% и составляла всего 11,9% от общего числа семей с детьми⁵.

В семьях этнических меньшинств указанные процессы были еще более интенсивными. Вследствие роста числа работающих женщин было сведено к минимуму общение детей со своими родителями с раннего возраста и соответственно участились их контакты с иноэтничными сверстниками. В первый период иммиграции, когда сохранялась трехпоколенная семья, своеобразной компенсацией общения с родителями служило общение детей с дедушками и бабушками, что обеспечивало, как отмечалось, известную этническую направленность воспитания, (включая обучение армянскому языку). Однако в дальнейшем, когда среди армян в странах Запада доминировала уже нуклеарная семья, подобный механизм приобщения ребенка к материнской культуре практически исключался. Говоря о специфике индустриальных, урбанистических обществ, американский исследователь Эзра Воугел отмечает: «... от человека ожидают, что он будет самостоятельно пробивать себе дорогу и не станет полагаться на родственников»⁶. Стремление к подобной самостоятельности проявляется, в частности, в характерном для данных обществ отделении от родителей проживания взрослых детей, что четко прослеживается и среди местных армян. Так, например, в Лионе в 1960-х годах лишь в 3% армянских семей родители проживали совместно со своими взрослыми детьми⁷. Отмеченное явление служит еще одним фактором, способствующим нарушению межпоколенной трансмиссии этнокультурных традиций, интенсификации процессов аккумуляции среди молодого поколения иммигрантов армянского происхождения.

Изменение армянской семьи в условиях стран Запада неизбежно отразилось и на отношениях между родителями и детьми. Как отмечалось, в традиционных армянских семьях ребенок в течение весьма долгого времени находился под жестким контролем родителей и воспитывался в духе строгого повиновения им. В условиях трех- и более поколенной семьи, непрерываемого авторитета старших даже создание собственной семьи не всегда было гарантией полной независимости и самостоятельности, в том числе и экономической. В странах Запада в отличие от стран арабского Востока подобная модель воспитания противоречила общепринятым нормам воспитания, образу жизни в целом, важной характеристикой которого являются развитие и поощрение у детей самостоятельности, предприимчивости и др. «Для армянской семьи,— отмечал С. Адамьян,— подавление личных желаний в пользу интересов всей семьи являлось основной ценностью. Строгие запреты на расточительство и сексуальную свободу, наряду с сильным влиянием матерей, создавали семей-

⁴ Population Profile of the United States, 1983—1984//Current Population Reports Special Studies (Series P-23). P. 27.

⁵ United States: A Statistical Portrait of the American People. N. Y., 1983. P. 92.

⁶ Воугел Эзра Ф. Семья и родство//Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 171.

⁷ Boudjikian-Keuroghlian A. Les Armeniens dans la region Rhone — Alpes. Audin; Lyon, 1978. P. 118.

ный этноцентризм, в условиях которого правила приличия и экономическая самодостаточность играли роль важных стимулов деятельности»⁸.

Первое поколение армян-иммигрантов и в новых условиях стремилось сохранить традиционные нормы семейного воспитания. Как указывает Р. Мирак, армяне «... обвиняя других (не армян — Э. М.) в том, что свои личные интересы они ставят выше интересов собственных детей, в то же время гордятся присущими им реальными или мнимыми способностями семейного воспитания»⁹. Проявлением подобных способностей явилось их отношение к заработкам детей. Ворнер отмечает, что в армянских, как и греческих, польских и русских семьях, дети обязаны были отдавать заработанные ими деньги родителям и, как правило, были лишены права тратить их по собственному усмотрению. По наблюдениям того же автора, со временем произошло естественное ослабление контроля над поведением детей, однако по одному вопросу — добрачной сексуальной жизни детей — армяне, как и греки, шли на минимальные уступки, что служило основной причиной конфликтов между родителями и детьми¹⁰.

Приверженность родителей к традиционным нормам воспитания, конечно же, выступала в качестве средства противодействия, противостояния влиянию местной среды, способствуя дифференциации от других этнических групп и в то же время консолидации членов общины вокруг определенных этнокультурных ценностей.

Следствием подобного понимания роли семьи, утвердившегося в сознании армянского этноса в силу специфических условий его жизнедеятельности как на своей этнической территории, так и вне ее, явилось резко негативное отношение к смешанным бракам. Подобная позиция, поощряемая старшим поколением и, что следует особо подчеркнуть, армянской апостольской церковью, в целом была характерна для армянского населения стран Запада и в первые два-три десятилетия нашего столетия. Так, в 1908—1912 гг. в Нью-Йорке смешанные браки составляли лишь 9,6% от общего числа заключенных местными армянами браков¹¹. Аналогичным образом обстояло дело и во Франции, где, по данным А. Буджиканян, до 1940-х годов смешанные браки среди французских армян были редким явлением¹². Малое число межнациональных браков в странах Запада объясняется помимо прочего низким социально-экономическим статусом армян в первый период после их иммиграции, а также тем, что принимающие общества, незнакомые в достаточной степени с историей и культурой армянского народа, рассматривали их как «нежелательных», «опасных азиатов». В дальнейшем (особенно в период после второй мировой войны), по мере повышения социально-экономического статуса армян и их успешной интеграции в принимающие общества, число смешанных браков начинает неуклонно расти. В свою очередь подобные браки являлись для армян весьма эффективным средством скорейшего их включения в местную среду, продвижения по социальной иерархии.

В результате действия отмеченных и других факторов следует особо подчеркнуть отсутствие принципиальных различий между армянской апостольской церковью и различными христианскими церквями стран Запада; смешанные браки среди местных армян третьего и последующих поколений стали обычным явлением, а в ряде стран сегодня составляют большинство¹³. Однако и в условиях интенсивной аккультурации отдельные элементы традиционного воспитания сохраняют у армян свою значимость, придавая определенную этническую маркированность их обра-

⁸ *Atamian S. The Armenian Community: The Historical Development of a Social and Ideological Conflict. N. Y.: Philosophical Library, 1955. P. 135.*

⁹ *Mirak R. Torn Between Two Lands. Armenians in America, 1890 to World War I. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. P. 160.*

¹⁰ *Warner L. W., Srole L. Op. cit., P. 129.*

¹¹ *Mirak R. Op. cit. P. 156.*

¹² *Boudjikanian-Keuroghlian A. Op. cit. P. 107—113.*

¹³ *Aharonian A. G. Intermarriage and the Armenian-American Community. Shrewsbury, Mass., 1983. P. 38; Boudjikanian-Keuroghlian A. Op. cit. P. 109—113.*

зу жизни. В связи с этим представляет интерес проведенное американским ученым П. Фройндом исследование относительно потребления алкоголя среди трех поколений американских армян, проживающих в штате Род-Айленд¹⁴. Автор прежде всего подчеркивает, что армяне на протяжении всей своей истории отрицательно относились к чрезмерному употреблению алкогольных напитков, и лица, пристрастившиеся к алкоголю, осуждались и презирались. Такая ориентация в целом сохранилась и среди современных американских армян. Они считают, что употребление напитков оправдано лишь при встрече с родственниками и близкими друзьями, во время особых торжеств и т. д. Показательны различия, присущие американскому и армянскому способам гостеприимства. В отличие от американской модели, когда гостей принято угощать спиртными напитками как при встрече, так и при расставании, армяне, как правило, угощают их кофе и лишь изредка алкогольными напитками. По их мнению, «при приеме гостей на столе не должно быть напитков, поскольку они могут подумать, что вы постоянно употребляете их»¹⁵. Еще одной характерной особенностью является то, что американские армяне в отличие от американцев не имеют привычки посещать бары и другие подобные заведения, предпочитая застолье в кругу друзей и родственников. Подобное отношение к употреблению спиртного свойственно в основном американским армянам старшего поколения, однако эта модель в целом характерна и для молодежи. Вот типичные высказывания молодых людей: «Мой отец утром всегда пил маленькую рюмку водки»; или «Я помню, как мой отец пил рюмку коньяка перед вечерней трапезой или перед сном»¹⁶. Многократное повторение в семье подобной модели поведения — эффективное средство привития определенных норм употребления алкоголя и тем самым противодействия внешнему влиянию, осознанию своей этнокультурной специфичности. Как справедливо отмечает П. Фройнд, «армянские юноши учатся умеренности и самоконтролю при употреблении алкоголя на примере родителей, а не в силу ритуального употребления, как у евреев, или раннего и частого его употребления, как у итальянцев»¹⁷.

Будучи одним из важнейших этносоциальных институтов, семья особым образом аккумулирует в себя различные сферы жизнедеятельности этнических меньшинств и тем самым играет роль своеобразного индикатора, позволяющего судить как о протекающих в них процессах аккультурации и ассимиляции, так и соответственно о степени противодействия этим процессам. Применительно к армянской диаспоре проведенный анализ семьи, несмотря на всю его неполноту (в частности, здесь мы не затронули такие важные вопросы, как семья — материнский язык, семья — этническое самосознание), тем не менее позволяет, на наш взгляд, выявить различия в этнокультурных характеристиках армянских общин в странах Востока и Запада. Если в первом случае правомерно говорить в целом о процессах аккультурации, то во втором — о значительно большей их интенсивности (как в смысле скорости протекания, так и сфер распространения), их перерастании в ряде случаев в стадию ассимиляции.

¹⁴ Freund P. Armenian-American Drinking Patterns//Brown University (Penn.), Working Papers on Alcohol and Human Behavior. 1979. № 5.

¹⁵ Ibid. P. 11.

¹⁶ Ibid. P. 12.

¹⁷ Ibidem.